

Он сам не понимал, отчего его охватила такая паника. Когда он впервые услышал, что Гу Цзюэ при смерти, то не поверил. Во второй раз он решил, что вырвет его из рук самого Янь-вана. А это был уже третий раз: Гу Цзюэ снова лежал перед ним, захлебываясь кровью. Причины двух прошлых приступов были ему известны, но что произошло сейчас?

— Почему он кашляет кровью?

Ван Хай, будто заранее зная, что последует этот вопрос, позвал Сяо Лицзы, который ждал снаружи. Мальчишка, увидев, как Сяо Юй внес Гу Цзюэ в покои, перепугался до такой степени, что намочил штаны. Теперь же, дрожа всем телом, он повалился на колени:

— Ваше Величество, я... я не знаю! Господин Гу услышал, что Гоу Шэн наказан, и сказал, что пойдет к Вашему Величеству. Я подумал, что вы отдыхаете, и попросил его не ходить, но кто же знал... кто же...

Сяо Юй прищурился:

— Значит, это ты сказал ему, что слуга наказан, и именно из-за этого он пришел в такую ярость?

— Ваше Величество... я...

Голос Сяо Юя стал холодным как лед:

— Раз уж у тебя такой длинный язык, Ван Хай, вырви ему его.

Сяо Юй пристально смотрел на Гу Цзюэ. В душе его смешалось столько чувств, что он невольно протянул руку, желая коснуться его лица. Ван Хай, заметив этот жест, не удержался:

— Ваше Величество, у господина Гу чахотка, берегите свое драгоценное здоровье.

Лицо Сяо Юя потемнело. Он бросил на Ван Хая грозный взгляд, и вскоре в покои поспешно вошел придворный лекарь с аптечкой.

Сяо Юй наблюдал, как врач привычно прощупал пульс и достал иглы. Это случалось не впервые, медики уже привыкли к подобной экстренной помощи, но, увидев, как острые иглы пронзают тело Гу Цзюэ, Сяо Юй невольно вздрогнул.

Он знал, что это больно — даже в бесспамятстве Гу Цзюэ хмурился и покрывался холодным потом. Кулаки Сяо Юя сами собой сжались. Раньше он мог спокойно смотреть на процедуры, но сейчас выдержал лишь мгновение — дальше смотреть было невыносимо.

Казалось, каждая игла, вонзавшаяся в плоть Гу Цзюэ, пронзала его собственное сердце. Боль, распространяющаяся от груди по всему телу, была такой острой, какой он никогда прежде не испытывал.

Охваченный яростью, которой некуда было выйти, он развернулся и вышел из спальни. На пороге он остановился, и вид у него был такой, словно он готов был убить:

— Приведите того евнуха, что прислуживал Гу Цзюэ.

Ван Хай немедленно исполнил приказ. Вскоре приволокли Гоу Шэна, которому только что отвесили тридцать ударов палками. Самым страшным испытанием для него после прихода во дворец была кастрация — от одного воспоминания об этой боли он дрожал. Но сейчас, лежа на полу после порки, он лишь взглянул на Сяо Юя и затрясся от ужаса. Гоу Шэн был еще совсем молод и только недавно попал во дворец; он не понимал, что жизнь слуги — лишь игрушка в руках императора, но одного взгляда на Сяо Юя хватило, чтобы осознать это сполна.

— Рассказывай всё как было: что происходило, когда Гу Цзюэ вернулся!

Гоу Шэн, заикаясь от страха, пролепетал:

— Когда господин вернулся, я спросил, почему Ваше Величество не пришло вместе с ним... Господин сказал, что вы больше никогда не придете. Потом он заперся один. Я не смел его беспокоить, караулил снаружи. Когда пришло время ужина, я пошел звать его и обнаружил, что господин в жару. Он бредил, и я не мог его добудиться. Я так испугался, что хотел доложить Вашему Величеству...

Сяо Юй слушал, нахмурившись:

— Значит, у него был жар, и он не просыпался. Почему же тогда, когда начался жар, он выбежал из комнаты и начал кашлять кровью?

От этих слов Сяо Лицзы, стоявший на коленях, снова обмочился от страха. Ван Хай сразу понял, в чем дело, и, заметив взгляд императора, честно признался:

— Это я послал его проследить за состоянием господина Гу.

Сяо Лицзы, подавленный властным давлением императора, окончательно потерял рассудок:

— Когда я пришел, господин уже лежал. Он спросил, где Гоу Шэн, и я... я...

Сяо Юй сузил глаза:

— И ты сказал ему, что Гоу Шэн пошел ко мне, и что я наказал его? А он выбежал, намереваясь просить меня о милости для этого паршивого слуги?!

Сяо Лицзы отчаянно забил поклоны:

— Я не мог его остановить! Как только господин узнал, что Гоу Шэна нет, он сразу все понял!

Ранее сердце Сяо Юя сжималось от мучительной боли: он думал, что Гу Цзюэ так страдает, потому что увидел его вместе с Гу Ляньюэ, и в душе даже шевельнулось некое подобие раскаяния. Но теперь всё встало на свои места. Гу Цзюэ харкал кровью вовсе не из-за них с Ляньюэ, а из-за этого никчемного раба! Все его догадки были неверны.

Гу Цзюэ раньше уже закатывал истерики из-за слуги по имени Хуашэн, потом харкал кровью из-за праха, а теперь — снова из-за слуги.

Когда это он, Сяо Юй, стал в глазах Гу Цзюэ стоять меньше, чем какой-то раб?

Он действительно посмел! Его доброту Гу Цзюэ воспринимал как подозрительность, как скрытый умысел, а к этому слуге привязался всем сердцем. Ради мертвого слуги он шел против него, а стоило новому прислужнику пробыть рядом всего день, как Гу Цзюэ снова готов был умереть, лишь бы заступиться за него?

Хорошо! Просто замечательно!

Сяо Юй, снедаемый гневом, хотел ворваться в комнату и трясти Гу Цзюэ за грудки, требуя объяснений, но тот был без сознания. Император обвел налитыми кровью глазами обоих слуг:

— Увести их.

Ван Хай замер. Увести — значит казнить?

Сяо Лицзы рухнул на пол:

— Ваше Величество, помилуйте! Помилуйте!

Гоу Шэн, получивший тридцать ударов палками, даже забыл просить о пощаде — он просто оцепенел, пока его волокли прочь. Сяо Юй смотрел вслед, но тревога и раздражение не утихали. Он с силой ударил кулаком по столбу — костяшки пальцев сразу содрались в кровь.

— Ваше Величество! — вскрикнул Ван Хай. Все вокруг задрожали.

Сяо Юй, казалось, не чувствовал боли. Он посмотрел на Ван Хая:

— Ты нашел лекаря, способного вылечить чахотку, о котором я спрашивал?

Ван Хай не осмелился медлить:

— Приказ отдан, слухи есть, но самого человека пока не нашли.

— Он действительно может вылечить чахотку? — глаза Сяо Юя потемнели.

— Люди говорят, что этот божественный лекарь обладает невероятным мастерством, якобы возвращал к жизни даже тех, у кого дух уже покинул тело. Неизвестно, преувеличение это или нет, но раз уж в Императорской врачебной палате разводят руками, думаю, стоит попытаться.

Сяо Юй сжал зубы:

— Найти его. Во что бы то ни стало вылечить.

— Слушаюсь.

Гу Цзюэ очнулся в тумане от боли. Увидев лекаря, который вынимал иглы, он тихо вздохнул:

— Господин Гу, вам нужно беречь себя.

Гу Цзюэ понял, что его снова спасли. В голове на миг стало пусто, но тут же он вспомнил главное и прохрипел:

— Где Гоу Шэн? Его наказали палками, лекарь, не могли бы вы...

— Ты все еще печешься об этом рабе? Что, хочешь, чтобы лекарь тайком его подлечил? — из темноты донесся голос вошедшего Сяо Юя.

Гу Цзюэ вздрогнул. Он посмотрел на Сяо Юя:

— Разве вы не с Гу Ляньюэ?

Сяо Юй, пристально глядя на испуганное лицо Гу Цзюэ, почувствовал, как ярость снова закипает внутри. Вспомнив, что он ошибочно принял страдания Гу Цзюэ за ревность, он холодно ответил:

— Я был с Ляньюэ, но ты оказался не в меру упрям — заболел именно сейчас. Ляньюэ — твоя сестра, она всегда очень заботилась о тебе. Узнав о болезни, она попросила меня навестить тебя.

Это Гу Ляньюэ просила его прийти?

Эмоции Гу Цзюэ будто заledenели. Он смотрел на Сяо Юя и, хотя не мог подняться, выдавил из себя:

— Гоу Шэн мал, несмышлен и не знает правил, потревожил Ваше Величество и госпожу Гу. Прошу прощения.

Он и сейчас просит за того раба?!

Сяо Юй сжал кулаки, глаза его налились кровью:

— Жаль, что ты просишь слишком поздно. Этого раба уже казнили. Он потревожил мой сон глубокой ночью, так что смерть его заслужена, не находишь?

У Гу Цзюэ зазвенело в ушах. Перед глазами окровавленный Гоу Шэн наложился на окровавленного Хуашэна.

Он снова выплюнул полный рот крови.

Сяо Юй ахнул, остолбенев. Затем он яростно уставился на лекаря.

— Это застойная кровь! Все хорошо, пусть выходит, — перепугался тот.

Губы Гу Цзюэ окрасились в ярко-красный, лицо приобрело болезненный румянец, но здоровым он от этого не выглядел. Он сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Мысли его застряли на словах о казни. Умер... он был таким маленьким, он говорил, что мечтает о хорошей жизни, попав во дворец.

Добродушный мальчишка. Если бы не он, Гу Цзюэ, Гоу Шэн, возможно, жил бы в этом дворце спокойно. Но из-за него он пострадал, попал под горячую руку, и Сяо Юй казнил его.

Вся жизнь Гу Цзюэ, проходившая в родительском доме как по маслу, все восхищения окружающих — теперь казалось, что он приносит лишь беды. Чувства к Гоу Шэну были неглубокими, они едва знали друг друга, но его внезапная смерть, подобно смерти Хуашэна, стала последней каплей.

Все накопленные горечь, вина за Хуашэна, вина за вовлеченных в беду родных — всё выплеснулось наружу.

Это он связался с Сяо Юем, это он втянул семью в опасную игру, и теперь Сяо Юй угрожал им, чтобы отомстить. Почему он сам до сих пор жив? Если бы он умер тогда, а не пошел во дворец, ничего бы не случилось. Лучше бы он умер.

Нет, лучше бы мать вообще его не рожала. Если бы она не родила его, не пришлось бы ей растить его, а потом видеть, как он влюбляется в мужчину и добровольно становится чьим-то мужским наложником. Не пришлось бы ей изводить себя трудами, страдать от болезни из-за него, и клану Гу не пришлось бы терять лицо в Синине. Как хорошо было бы, если бы его не существовало...

— Гу Цзюэ! — Сяо Юй не мог выносить этого остекленевшего взгляда. Казалось, душа Гу Цзюэ улетела в девять небес, а перед ним — лишь пустая оболочка. Он скрежетнул зубами: — Это всего лишь раб! Никчемный раб! Они только познакомились, а он так убивается?

Сяо Юй подумал о том, что Гоу Шэн чем-то напоминал Хуашэна. Или же Гу Цзюэ беспокоился не о новом слуге, а о переносе чувств? Точно так же, как он сам когда-то смотрел на черты Гу Цзюэ, видя в них Гу Ляньюэ, Гу Цзюэ просто видел в Гоу Шэне покойного Хуашэна.

Так дело не в Гоу Шэне, а в том, что мертвый Хуашэн до сих пор не отпускает Гу Цзюэ?!

Гу Цзюэ, который когда-то клялся ему в любви, теперь заботился о мертвом слуге больше, чем о нем самом!

Он, Сяо Юй, проигрывает мертвому человеку?

Его душило такое бешенство, что хотелось перехватить горло Гу Цзюэ, но он не решился. Он лишь горько усмехнулся:

— Гу Цзюэ, ты действительно умеешь играть на чувствах. Но вот этот твой вид «ни жив, ни мертв» перед моими глазами... ты что, хочешь ради того мертвого раба пожертвовать своим старшим братом, который все еще в столице?

Старший брат!

Сердце Гу Цзюэ екнуло. Его ресницы задрожали, пустой взгляд сфокусировался на остервенелом лице Сяо Юя. Губы, челюсти — всё дрожало. Он не мог остановиться.

Он не знал, когда настал день, что при одном взгляде на Сяо Юя, помимо страха, у него не останется никаких чувств. Раньше, прислуживая, он чувствовал пустоту, а теперь эта пустота была заполнена ужасом.

— Я не это имел в виду, — голос его сорвался, дрожа от страха. — Я не это имел в виду, правда. Я уже разорвал с ним все отношения, мы больше не увидимся, пожалуйста, не трогай его.

Сяо Юй почему-то почувствовал облегчение. Но при мысли, что Гу Цзюэ печется о брате, а на него, Сяо Юя, смотрит с таким выражением, он снова ощутил прилив злости.

— Я-то думал, ты так привязан к этому рабу, — прорычал он. — Значит, родной брат для тебя все же важнее?

В конце концов, раб есть раб, в сердце Гу Цзюэ он все равно проигрывает Гу Мину! А вот он, Сяо Юй, был иным: ради него Гу Цзюэ когда-то оставил свою драгоценную семью. Этот раб ничего не значит!

Слова эти пронесли как ледяной ветер над истерзанной душой Гу Цзюэ, оставляя его чувствовать себя холодным трупом. Он даже не помнил, как ответил:

— Ваше Величество право. Ради родного брата я готов на все. Я все могу сделать...

Гу Цзюэ повторял эти слова, как заведенный. Сяо Юй поначалу счел это естественным: Гу Цзюэ всегда был близок с семьей, особенно с Гу Мином. Когда лекарь сказал, что у Гу Цзюэ нет желания жить, он первым делом пригрозил семье, и тот пришел в себя, став покладистым.

Прием не нов, но работает. Пусть даже он сказал это лишь на словах, а Гу Цзюэ принял всё за чистую монету — это было лучше, чем видеть его попытки самоубийства или открытое противостояние. Сяо Юй отмахнулся от смутного раздражения, возникавшего при мысли, что он угрожает семье Гу Цзюэ, и не хотел признавать, что нынешний Гу Цзюэ уже не тот человек, который добровольно шел во дворец ради него.

Он — император, стоящий выше всех, держащий мир в своих руках, но, кроме угроз семьей, у него не осталось способов удержать Гу Цзюэ рядом. И этот способ всё ещё действовал.

Однако Сяо Юй уловил лишь мгновение. Глядя на то, как Гу Цзюэ бормочет про себя, он инстинктивно почувствовал, что что-то не так. Его состояние было пугающим.

Гу Цзюэ не был слабым человеком. Его характер был твердым, иначе он не продержался бы во дворце так долго без любви императора. Даже за тот месяц, что он провел в роли слуги, Гу Цзюэ был настолько послушным, будто лишился собственного «я», но он никогда не выглядел так, как сейчас — словно внутри него что-то безвозвратно сломалось.

Сердце Сяо Юя охватила паника — точно такая же, какую он испытывал совсем недавно, когда увидел, что Гу Цзюэ захлебнулся кровью.

— Гу Цзюэ... — невольно вырвалось у него. — Перестань.

Гу Цзюэ не слышал его. Он продолжал повторять одно и то же.

Сяо Юй, забыв о всякой заразе, рванулся вперед и схватил Гу Цзюэ за плечи:

— Я сказал, перестань!

— А-а! — прикосновение Сяо Юя вызвало у Гу Цзюэ истошный крик. Его тело было слишком слабым, чтобы сбежать, поэтому он сжался в комок, словно еж, желая выставить иголки и защититься. Но Сяо Юй давно вырвал все его иголки, и теперь Гу Цзюэ, свернувшись, лишь подставлял под удар свою кровоточащую плоть.

Он кричал, будто пытаясь выплеснуть остатки жизни или сбросить с себя что-то невыносимое.

Сяо Юй с недоверием наблюдал за происходящим, но уже через мгновение крикнул:

— Лекаря!

Лекарь, не уходивший далеко, вбежал обратно и, придя в себя, скомандовал евнухам:

— Держите его!

Гу Цзюэ отчаянно бился. Несколько крепких евнухов навалились на него, прижимая к кровати. В этот момент из глаз Гу Цзюэ хлынули слезы. Он смотрел в потолок пустым взглядом:

— Не трогайте меня... как же это грязно...

Грязно! Как же грязно! Руки этих евнухов напоминали ему о том, как Сяо Юй заставлял его переодеваться, как отдавал его на потеху Императорской гвардии... те люди тоже так же лапали его...

Как же грязно... по-настоящему грязно...

Сердце Сяо Юя сжалось:

— Гу Цзюэ...

В этот миг в покои ворвался евнух:

— Ваше Величество, срочное донесение!

Сяо Юй резко обернулся. Евнух повалился на колени:

— Станция почтовых курьеров сгорела, делегация из Синина понесла тяжелые потери. Господин Гу, глава посольства, оказался в ловушке и не вышел оттуда.

Дыхание Сяо Юя перехватило:

— Что ты сказал?

Гу Цзюэ затрясло. Его затуманенный разум, словно омытый ледяной водой, внезапно прояснился. Он не понимал, что с ним было минуту назад, какая темная волна накрыла его, но слова евнуха подействовали как удар грома. Он осознал услышанное, но отказывался верить: почтовая станция сгорела, посольство пострадало, главный посол, господин Гу, не выбрался...

Главный посол, господин Гу, не выбрался.

Кто же это, если не Гу Мин?

Эти слова, как острый клинок, пронзили грудь Гу Цзюэ. Его лицо сначала стало белым, как полотно, а затем его охватило безумие, еще сильнее прежнего.

— Врешь! Этого не может быть! Мой брат будет жить!

Больной, которого только что с трудом удерживали несколько человек, вдруг выплеснул последние силы:

— Я найду его! Я найду его!

Он не верит! Он не верит, что человек, с которым он только что говорил, которого недавно видел, так просто исчез!

Он не верит!

Он бился так сильно, что евнухам едва удавалось его сдержать. Сяо Юй принял решение молниеносно:

— Чего застыли! Колите его!

Лекарь, ошарашенный ситуацией, не посмел медлить. Пока евнухи держали Гу Цзюэ, он быстро ввел несколько игл, и Гу Цзюэ наконец затих.

Евнухи медленно отступили. Гу Цзюэ лежал на кровати, одежда его была в беспорядке, волосы растрепались, а на уголках глаз застыли слезы.

Сяо Юй, глядя на эти слезы, почувствовал, как сердце на миг остановилось. Он отвел взгляд. Безумие Гу Цзюэ еще стояло перед глазами. Грудь императора тяжело вздымалась. Совсем недавно он думал, что, кроме угроз семьей, у него нет иных способов удержать его рядом.

<http://bllate.org/book/21167/2144656>